

Литературная панорама

От
СРЕДЫ
до
СРЕДЫ

За двадцать лет в литературной периодике я не встретила ни одного интервью, взятого у И. Грековой. Уверена — обращались к ней не раз, но она, видимо, не соглашалась. Однако на своих вечерах в Центральном Доме литераторов, в Доме ученых, во время встреч с читателями И. Грекова отвечала на многочисленные вопросы (среди которых, признаюсь, были и мои).

— Я отвечаю на ваши вопросы, — сказала она мне по телефону, — но с условием — никаких восклицаний, никаких восторгов по поводу того, что одновременно занимаюсь научной работой и литературой, все должно быть скупое, сухо, сдержанно.

Итак, «сухо»: Елена Сергеевна Вентцель — профессор, доктор технических наук, автор многих книг по различным разделам прикладной математики, в частности учебника «Теория вероятностей», выдержавшего несколько изданий. Она же И. Грекова — автор известных повестей, рассказов. У нее трое детей (все занимаются наукой), четверо внуков...

Без восторгов, но с любопытством, удивлением спрашиваю:

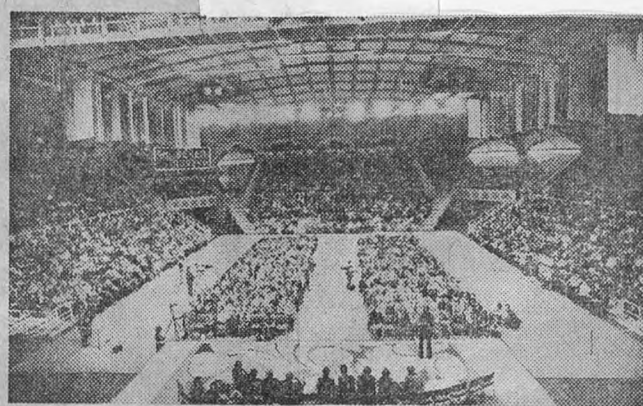
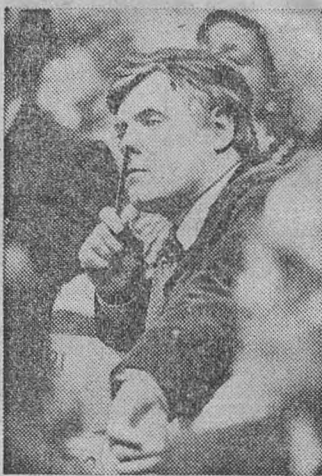
— Как вы успеваете совмещать и научную работу, и писательскую, и семейные обязанности хозяйки, матери, бабушки?

— Очень просто: не успеваю. В нашей литературе (главным образом журналистике) бывает образцово-показательный образ женщины, которая все успевает. Она и прекрасная производственница, и активная общественница, и много читает, бывает в театрах, на выставках, и дети-то у нее прекрасно воспитаны, и дома-то у нее все уютно, чисто — ни пылинки... Признаться, я не верю в реальность этого плакатного образа женщины, по крайней мере в жизни я его не встречала и сама к таким не принадлежу. Что-нибудь неизменно страдает: или работа, или дом (у меня лично страдал дом). В том, что мои дети выросли хорошими людьми, особой моей заслуги нет. Просто судьба сложилась так, что было кому мне помогать (бабушки). Но сама я, перейдя в категорию «бабушек», сравнительно мало участвовала в воспитании внуков; что называется, «сидеть» с ними мне не приходилось. Да и когда? Все время работала.

— Что для вас важнее — ваша деятельность писателя или ученого?

— Слово «ученый» я не люблю из-за его оценочного характера. Время покажет, кто ученый, а кто нет. Называть «ученым» всякого, кто занимается наукой, не стоит, особенно в наше время, когда научные профессии стали массовыми. Я предпочитаю более нейтральный термин «научный работник». Я — научный работник, посвятивший этому делу значительную часть своей жизни. Писательство всегда для меня было второстепенным. Другое дело, что я свои научные книги (учебники) писала, так сказать, пером романиста, чем, вероятно, и объясняется их популярность.

А популярность прозы во многом, вероятно, объясняется и тем, что И. Грекова и Е. Вентцель — один человек, и сюжеты, образы художественных произведений взяты из хорошо знакомого научного мира. Конечно, «Вдовый пароход» и «Хозяйку гостиницы» И. Грекова могла бы написать и не будучи доктором технических наук, а вот рассказ «За проходной», которым она дебютировала 20 лет назад в литературе, и повести «На испытании», «Кафедра», где показана среда инженеров, военных специалистов, ученых, явно написаны человеком, знающим эту среду, как говорится, «изнутри». Да и в «Дамском мастер» нам интересен не только его главный герой, но и рассказывающая о нем директор Института информационных машин профессор Ковалев. И когда она признается: «У меня получилось. Я еще раз проверила выкладки. Все так. Боже мой, ради таких минут, может быть, стоит жить... Я прожила долгую жизнь и могу авторитетно заявить: ничто, ни любовь, ни материнство — словом, ничто на свете не дает такого счастья, как эти вот

Вечер авторов альманаха «День поэзии 82» в зале «Дружба» (Лужники).
Фото А. КАРЗАНОВА

минуты», — нам кажется, что устами героя автор передал свои собственные чувства.

«...Из собственной судьбы я выдергивал по нитке», — говорится в песне «Я пишу исторический роман» любимого ею Б. Окуджавы. Без таких ниток не было бы, видимо, ткани повествований И. Грековой и той лаконичности, которая отличает стиль ее прозы. («Эта неподробность идет от моей основной профессии, от занятий точными науками, — объясняла она на одной из встреч с читателями. — У нас дело чести — не говорить лишних слов».)

— В какой мере автобиографичны ваши произведения? Имеют ли ваши герои реальных прототипов или эти образы — плод вашей выдумки, воображения?

И. ГРЕКОВА:

НЕ ГОВОРЯ
ЛИШНИХ СЛОВ

— Я никогда в жизни ничего не писала ни по чужим рассказам, ни по чужим впечатлениям, ни по так называемым «первоисточникам». Писала только о том, что видела и наблюдала сама. Есть авторы более свободные, которые могут писать, не имея в виду никаких жизненных реалий, ни от чего не отталкиваясь. У меня же не может возникнуть замысел без живых образов реально существующих людей, я должна их видеть, слышать, представлять себе. В этом смысле все мои вещи базируются на реальных «прототипах». Но интересно, что, поселившись в моем сознании, воображении, персонажи постепенно отходят от своих прототипов, отодвигаются от них, меняют характер, приобретают самостоятельность. Существуют в моих вещах и такие персонажи, которым никакие прототипы не соответствуют, целиком выдуманные образы. Скажем, кому-то из героев надо придумать мать, кому-то — жену или мужа и т. д. В ходе предварительной работы над вещью эти целиком выдуманные мной персонажи приобретают реальность и могут даже из второстепенных выдвинуться в главные герои.

Вполне определенный прототип был у героя рассказа «Дамский мастер», и его речь я почти без изменений перенесла на страницы произведения. Реальные наблюдения легли в основу «Вдовьего парохода», реальный прототип есть у главного героя — мальчика, потом юношу Вадима. Он мне и в жизни был не до конца понятен, не стал понятен и после того, как я написала повесть. А вот Флерова во «Вдовьем пароходе» — целиком выдуманный персонаж, перешедший чуть ли не в главные герои. Центральная героиня «Кафедры» Нина Астахова (кстати, персонаж, мне мало симпатичный), в чертах своей биографии никак не совпадая со мной, некоторыми чертами характера (резкость, неуживчивость, пристрастность) напоминает меня, но меня давнишнюю, с которой я сейчас не согласна. Что касается моей сегодняшней психологии и образа мыслей, то они гораздо

ближе к соответствующим чертам другого героя повести — профессора Завалишина (Энэна). Этот центральный персонаж, как это ни странно, совсем не имеет прототипа, целиком выдуман, кроме его мыслей, во многом совпадающих с моими. В каком-то смысле автобиографично детство Завалишина — в нем есть черты и подробности моего собственного

Писатель

за рабочим столом

детства. Отец Завалишина — «Пулин» имеет прототипом моего собственного отца. Главная героиня моей повести «Хозяйка гостиницы» имеет вполне реального прототипа, который даже является в какой-то мере соавтором повести (в ней я использовала некоторые подлинные письма моей героини).

О соотношении у меня реальных прототипов с героями готового произведения довольно подробно рассказано в моей статье «Замысел: зарождение и воплощение» («Литературная Россия», № 28, 1982). Там же говорится о разных стадиях, которые проходит произведение в ходе его вынашивания и написания. «Вынашиваю» я очень долго, а фактически пишу (заношу на бумагу) сравнительно быстро. Так, «Кафедра» была написана за два месяца в Доме творчества в Малеевке (перед этим она жила во мне очень долго). Пока вещь не напечатана, я ничего другого писать не могу, она меня не отпускает от себя. Работаю параллельно над учебниками, статьями — научными, критическими, а над прозой — нет, не получается.

Научные знания, опыт, запас впечатлений писатель И. Грекова использует не для создания картины научного поиска, состояния науки, ее движения. Отбрасывается, извлекается из этих запасников то, что дает возможность нарисовать картину поиска человеком самого себя, состояния души и ее движения. И. Грекова пишет рассказ «За проходной» не для того, чтобы, используя свою осведомленность, рассекретить, какие открытия совершаются там, за проходной, в лаборатории № 10. Интерес к лабораториям вызван иной причиной: «Она может быть героем рассказа: у нее есть личность. Мне, во всяком случае, она кажется человеком». И не случайно, что возглавляющий ее член-корр. Лагинов — «Чиф», прежде чем выслушать вопросы корреспондента, готовящего статью о лаборатории, говорит ему: «Да. Многое меняется. Мир становится неузнаваем. Но не более ли удивительно другое? Не то, что меняется, а то, что вечно. Человек с его потребностями... Человечность... Любовь».

Человечность, порядочность, надежность, доброжелательность, совестливость... Человек всегда на испытании — в работе, в быту, в товариществе, в любви, всегда на испытании, больших и малых: там, за проходной, в закрытой лаборатории его души, жизнь беспрестанно делает свои моральные, нравственные, этические пробы, мир меняется, но человек не должен утратить человеческого, стать неузнаваемым.

Героя последнего по времени опубликования рассказа «Знакомые люди» — истории невыдуманной, как подчеркивает автор, — волнует проблема неконтактности, отчужденности, равнодушия — проблема нашего века, наших дней, с их ускоренным ритмом, повышенной светностью, городской разобщенностью.

— Как бы вы определили главные мотивы своего творчества, круг тем, проблем, которые вас занимают?

— Я уже говорила, что могу писать только о том, что хорошо, досконально знаю. А что я знаю? Лучше всего — судьбу, быт и нравы научных работников; во вторую очередь — повседневную жизнь, так называемую «быт» (кому из нас не приходилось с ним соприкасаться?). Если выразить кратко главную моральную проблему, то это будет «справедливость».

— Когда вы начали писать? Что это было — стихи, рассказы?

— В литературу я пришла очень поздно, а сочинять начала еще в детстве. Первый свой рассказ я написала в пять лет, он назывался «Труба». В его основе было истинное происшествие. Дело было на даче. Мне дали денежку и послали в лавку что-то купить. Там я увидела роскошную, сверкающую медную трубу. Я ее купила и, обливаясь слезами раскаяния, шла домой и дудела. Потом я забилась под какой-то куст и там в обнимку с трубой заснула. Нашли меня поздно вечером. И вот это происшествие было описано в рассказе.

Когда меня в пять-шесть лет спрашивали: кем ты будешь? — я отвечала: детским писателем. В какой-то мере я это оправдала. В издательстве «Детская литература» вышли мои книжки: «Серейка у окна» (стихи) и «Аня и Маня» (проза со стихами). Я очень много писала для своих детей и внуков. Детей я растила в войну. Книжек было мало, я им сама делала книжки: писала, иллюстрировала, переплетала.

— Вы и сейчас пишете стихи?

— Пишу, детские.

— А кто ваш любимый поэт?

— Трудно сказать. Я вообще сравнительно мало читаю поэзию (это не служит моему украшению), зато очень чувствительна к «поэзии в прозе». Чутко прислушиваюсь к словесной ткани, музыке, ритмике прозы. Некоторые стихи некоторых поэтов (Тютчев, Баратынский, Фет, Анненский) значат для меня очень много. Из советских поэтов, пожалуй, Заболоцкий мне сейчас дороже других. Из наших современников — А. Тарковский, А. Кушнер. Назову еще В. Берестова — его стихи, пограничные между «детскими» и «взрослыми», привлекают своей прозрачностью, чистотой.

— А в прозе кого вы особенно цените? Кого считаете своими учителями?

— Русскую классику люблю всю. Но на первом месте Достоевский. Причем сначала Достоевский, потом большой промежуток — тогда уже все другие. Но назвать Достоевского своим «учителем» было бы слишком нахально. Что же касается нашей советской литературы, то я считаю, что она не посрамила знамен великой русской литературы XIX века. Думаю, что такого обилия высокоталанливых писателей нет ни в какой другой современной литературе. У нас много замечательных авторов и необыкновенно хорошая проза.

— Проза, детские стихи, статьи... Нет ли у вас желания попробовать себя еще в драматургии, в кинодраматургии? Занимает ли вас поиск в области формы, жанра?

— Не так давно был показан по телевидению двухсерийный фильм «Кафедра» по мотивам моей одноименной повести, сценарий которого был написан с моим участием. В настоящее время мы с П. Лунгиным работаем над пьесой «Вдовый пароход». Самостоятельно (без соавторов) писать для сцены я еще не пробовала. Диалогом я, пожалуй, владею, композицией — пока нет.

Почти в драматургической манере написана моя новая повесть «Пороги», которую я отдала в редакцию журнала «Новый мир». Эта повесть на добрую половину состоит из диалогов, экранизовать ее, как мне кажется, будет сравнительно легко. Диалоги в ней — не только разговоры людей друг с другом, но и разговоры друг о друге (вульгарно говоря, сплетни). В этой новой повести я впервые попробовала свои силы в так называемой «остросюжетной прозе». В. Каверин справедливо сетует на то, что в нашей литературе пренебрегают острой сюжетностью. У нас мало пишут в этом роде, а если пишут, то эти произведения откровенно относятся к жанру детектива, к которому и требования-то другие. Я — за то, чтобы остросюжетные произведения не выпадали из основного русла художественной литературы, чтобы к ним предъявлялись чисто художественные требования, без скидки на жанр.

Интервью взяла Ирина РИШИНА